

В наши дни Мария Рохлина хранит память о всех боевых товарищах

ПАМЯТЬ • КАК МАРИЯ РОХЛИНА ПРОНЕСЛА ВЕЛИКУЮ БИТВУ ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

На Прохоровке всё горело

Оксана ПРИДВОРЕВА

— Я никогда не считала, сколько раненых я перевязала или вытащила с поля боя. Это неправильно. Гораздо важнее, сколько из них меня нашли после войны. Благодарили за 30, 40, даже 70 лет прожитой жизни, что родили сыновей и дочерей, увидели внуков, — говорит ветеран Великой Отечественной войны Мария Рохлина. Санструктор санитарного взвода, она спасала солдат в Сталинграде, под Прохоровкой, при освобождении Украины, прошла через всю Европу и встретила Победу в Праге.

Говорят, война

Марию Коваль война застала дома, в Запорожской области. Маше ещё не было 17 лет.

— Мы пришли в школу получать аттестаты зрелости. Собрание должно было начаться в полдень, а где-то в половину двенадцатого заскакивает кто-то из ребят и кричит: «На площади собирается народ у репродуктора, будет важное правительственное сообщение. Люди говорят, что война». Мы всем классом врассыпную — и на площадь.

Нас готовили к войне. В последние три года у нас был урок военного дела. Мы умели делать всё: собирать и разбирать винтовку, пулемёт даже с закрытыми глазами. Мы ходили в походы, сдавали нормы ГТО, «Готов к ПВХО», нормы «Ворошиловский стрелок», изучали санитарное дело, учились оказывать первую помощь. Я умела делать самую сложную перевязку головы. У меня было два парашютных прыжка. В каждом посёлке, в каждом городе на площадях построили вышки. Чтобы сдать норму ГТО, нужно было совершить один прыжок, но мне так понравилось, что я полезла на вышку во второй раз.

Зачисленная на инженерный факультет Харьковского авиационного института Маша поехала на оборонные работы под Киев.

— Когда приехали на станцию Софиевка — это было через три дня после объявления войны — началась жуткая бомбёжка. На большой узловой станции скопилось много эшелонов, рядом с нами стоял эшелон с танком, их направляли в сторону Киева, ближе к границе. Появились первые раненые, кричали: «Сестра, помоги!» Я помогала. Вот так я оказалась на фронте: мы присоединились к танкистам. Меня никто не призывал. Нас таких было трое: два мальчика и я. Один из нас так и числится пропавшим без вести.

За войну санструктор Мария Коваль была трижды ранена.

Сталинград

При обороне Сталинграда она, 18-летняя девочка, получила первую боевую награду — медаль «За боевые заслуги». Её Мария Михайловна называет самой ценной.

— В конце октября или начале ноября был тяжело ранен заместитель командира батальона. Его нужно было переправить в госпиталь на той стороне Волги. Ампутировать обе ноги или лечить их от газовой гангрены можно было только в госпитале. А Волга начала замерзать, по ней двигались льдины. Она не замерзает так, как наши реки: закрайки замерзают, потом идут льдины, а посреди-

не шуга — комья льда, снега — сплошного ничего нет.

Построили всех медиков и предложили выступать добровольцам. Все молчали. Во второй раз — опять молчание. В третий раз из строя вышли Мария и ещё девушка.

— Раненого через Волгу мы переправляли целый день. Нужно было перебираться с льдины на льдину, улучив стыковку между ними, переждать, когда шуга остановится. Плакали, проклинали себя, что вызвались, ругали начальство, что не дали нам ни одного солдатика в помощь: ну что мы, две девчужки. Шли, и казалось, идём не через Волгу, а вдоль неё. Тяжело было невероятно. Но мы ни разу не провалились под воду, раненого доставили в госпиталь сухим.

После повалились в деревне в избе спать. Спали целые сутки. Нас оставляли в госпитале работать, но надо же доложить о выполнении приказа. Когда Волга остановилась, а ждали мы этого три дня, пошли обратно. Нам местные жители дали огромные палки-слеги. Они нас выручили. На обратном пути — может быть, горопылись, может быть, сильнее двигалась Волга — мы потеряли бдительность и проваливались трижды. С моих ног слетели и утонули валенки, у девочки утонул один. Она какое-то время пыталась идти в одном, это очень неудобно, потом сняла его с ноги и утопила. Шли мы в портянках, мокрых, обледенелых (у меня теперь не мёрзнут ноги). Вернулись, доложили. Командир бригады вытащил две медали из сейфа и вручил нам обеим. Этой медалью я больше всего дорожу.

В Сталинграде Мария чуть не погибла при бомбёжке, свалившись с ног от усталости, едва не замёрзла на снегу. Здесь же встретила с воевавшим на фронте отцом.

— Для нас Сталинград так и остался Сталинградом. И если у меня спрашивают, когда буду в Волгограде, я говорю: «Я там не бываю никогда. Я езжу в Сталинград».

...и не было видно солнца

Санструктора хотели комиссовать. Она ушла из госпиталя снова на передовую. Вернулась не в свою танковую бригаду, а в 95-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Попросилась в медсанбат. Её назначили санструктором санитарного взвода.

Свою работу (война — это тяжёлая, страшная, но работа, говорит Мария Михайловна) она выполняла в Прохоровке в июле 43-го.

Я НИКОГДА НЕ СЧИТАЛА, СКОЛЬКИХ
РАНЕННЫХ ВЫТАЩИЛА С ПОЛЯ БОЯ.

На Прохоровке всё горело

« Мария Рохлина в годы Великой Отечественной войны »

« Военные медсёстры в Красной армии были на поле боя рядом с солдатами »

« Стр. 1

— Мне дали телегу, я не вытаскивала бойцов с поля боя, а собирала их всех укрытий, где оставляли тяжелораненых, и отвозила их в медсанбат, который располагался в хуторе Весёлый. Но раненых было столько, что их оставляли лежать на земле и сразу не оказывали медицинскую помощь. А им помощь была нужна немедленно. Я просила, чтобы приняли в первую очередь. Мне указали: езжай в Подольхи, там госпиталь. В Подольхи я всего два раза привозила своих тяжелораненых.

На Прохоровке горело всё: железо, вода, земля, люди. Такой был чад, такой невыносимый смрад, солнца почти не видно было. Солнышко проглядывало через это чёрное «стекло».

В её памяти навсегда — молодой раненый в живот солдатик у обочины, которого она пыталась спасти. Кричал от боли, умер на её руках. Его смерть произвела на 18-летнюю девчонку страшное впечатление.

— Я сдала раненых и стояла как оглушённая. Ко мне подошла медсестра и спросила, как меня зовут. Я не понимала её. «Я Нина, а как тебя зовут?» — повторила она. «Маша», — ответила я. «Умойся, Маша». Нина подвела меня к бочке с водой — медсанбат располагался в палатках, вода стояла рядом в бочках — взяла за затылок, окунула мою голову в воду несколько раз и заставила вымыть руки. Сняла с головы косынку, и я о неё вытерла руки. С Ниной мы дружили всю жизнь, до её смерти.

После Прохоровского сражения Мария сама попала в медсанбат. В строй вернулась только под Полтавой.

Жареная луна и Красная Шапочка

— Мужчины не терпят боль. Мечутся, размахивают руками, не дают себя перевязать. Их приходилось уговари-

вать: «Милый, родной, потерпи». У меня вырвалось однажды, и потом я повторяла из раза в раз заклинание, по которому после войны меня разыскивали раненые: «Потерпи, родной. Хочешь, я тебе жареную луну с неба достану?» Молодые ребята плакали от боли. Говорили: «Меня ещё ни одна девушка не целовала. Поцелуй меня». Я целовала. И обещала им ждать их с войны.

Не только по жареной луне отыскивали Марию раненые годы спустя. Ещё одна кодовая фраза — «Красная Шапочка». Забегая вперёд, скажу: красный берет Марии Рохлиной теперь в экспозиции музея боевой славы в Прохоровке.

— Переправляла через Днепр тяжелораненого, сломалась доска, которой я гребла, дальше — руками в ледяной воде. Застудила руки так, что не могла держать ложку. Мне врач сказал: «Научитесь вязать крючком». Недалеко от Днепра заняли какой-то населённый пункт, вошли в дом, а там на окне — клубок красных ниток и крючок. Я взяла этот моток, связала себе красную шапочку и на передовой ходила в этом берете. В нём было удобнее, чем в пилотке: не слетает с головы. И однажды меня застучал командир дивизии в окопе во втором эшелоне. Я в этой шапочке, босиком, потому что сапоги отдала в ремонт: «А это что ещё за Красная Шапочка? И почему босиком?» Я доложила, кто я, что сапоги будут готовы к вечеру. Сапоги мне очень быстро притащили обратно. А за шапочку-то он мне замечания не сделал! Я так и осталась Красной Шапочкой. Меня после войны разыскивали как Красную Шапочку. И находили.

Считать мужем и женой

На фронте Мария встретила будущего супруга и вышла замуж.

— У меня появились два поклонника, оказывали знаки внимания: один

подкладывал под наш медсанбат в лесу фруктовые деревья, другой, старший лейтенант, дарил цветочки. Ромашку, одуванчик. Это всё во время марша, во время боёв мы не виделись.

Зимой 1945 года я на три дня попала вместе с 18 тяжелоранеными в немецкий блиндаж на нейтральной полосе, почти рядом с немцами. Я боялась, что нас обнаружат.

Когда снова наши пошли в наступление, в блиндаж вошёл старший лейтенант Иван Рохлин, который станет моим мужем. Узнав, где я, он вдруг понял, как дорога ему, и дал себе слово, что если я останусь жива, сделает предложение. У нас никогда не было свиданий, поцелуев, объяснений в любви. Потом он мне всю жизнь признавался в любви, до последнего, даже будучи тяжело больным. Замуж вышла 5 февраля 1945 года. Был приказ по полку считать нас мужем и женой.

А сначала, признаётся Мария Михайловна, обращалась к мужу другим именем.

— Назвала Сашей, он откликнулся. Закончилась война, он вдруг спрашивает: «Почему зовёшь меня Сашей? Я Иван». А я никак не могла перейти на Ивана, никак не называла его несколько дней. Он говорит: «Называй Сашей, нравится мне, как ты ко мне обращаешься». Так он на всю жизнь и остался Сашей. Для меня, для моих детей, для моих внуков. А друзья называли его Саша-Ваня. Писали в адресе на поздравительных открытках: «Рохлину Ивану Васильевичу. Подпольная кличка — Саша».

На передовой никто друг друга не называл по фамилии, тем более по имени-отчеству: «товарищ командир», «товарищ рядовой», «товарищ солдат», «товарищ санинструктор».

И когда сейчас в фильмах называют друг друга по имени, по отчеству, да ещё и с расстёгнутыми воротника-

ми, я не смотрю фильм. Это совершенная неправда.

9 мая 1945 года Мария, уже Рохлина, встретила в Праге.

— Мы взяли Дрезден почти что без боя, город был стёрт с лица земли. Переправились через Одер довольно быстро. После повернули на Берлин, но Прага запросила помощи. И весь наш 1-й Украинский фронт во главе с маршалом Коневым повернул на Прагу. Мы шли день и ночь, ехали, бежали, торопились. 9 мая мы вошли в Прагу, велись жесточайшие бои с власовцами. Мы войну закончили 19 мая. Только тогда мы отметили день Победы.

Возвращение в Прохоровку

После войны Мария Михайловна поступила в мединститут на вечернее отделение факультета санитарии во Владивостоке, работала санитарным врачом. Вместе с супругом переехала в Подольск. Мария Рохлина больше 30 лет работает в Московском комитете ветеранов войны. Председатель совета ветеранов 95-й гвардейской Полтавской орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени и Богдана Хмельницкого II степени стрелковой дивизии, она курирует музеи, посвящённые её боевому пути: в мужском педагогическом лицее Волгограда, в Прохоровке, селе Прелестном и не только.

Много лет в дни, когда вспоминают Курскую битву, она с однополчанами возвращалась в Прохоровку. Впервые сюда Мария Михайловна приехала в 60-х. 95-я стрелковая гвардейская дивизия во многом стоит у истоков создания музея-заповедника «Прохоровское поле».

Собирать предметы для его экспозиции помогала Мария Рохлина.

— Машины приезжали и в комитет, и ко мне домой за экспонатами, — вспоминает она.

Мария Михайловна много работает над тем, чтобы восстановить список погибших и пропавших без вести на Прохоровском поле. Пишет книги.

— В храме Петра и Павла правая половина списка погибших и пропавших без вести — это моя работа, — говорит Мария Михайловна. За этим почти 30 лет её работы в Подольском архиве Минобороны РФ.

Вернётся на Прохоровское поле Мария Рохлина и сегодня. Кроме этого, 21 июня из Подольска отправился памятный конный поход к 75-летию победы в битве на Курской дуге. По маршруту участники похода несут флаг городского округа Подольск и копии боевых знамен подольских пехотных и артиллерийского училищ и капсулу с подольской землёй.

Говорить сердцем

В сентябре Марии Рохлиной исполнится 94 года. Она живёт в подмосковном Подольске, две дочери, внуки и правнуки — в Москве.

— Не у многих ветеранов получается выступить. Я говорю именно то, что у меня на сердце. Меня приглашают на многие мероприятия. Домашний телефон почти никому не даю, потому что дома бываю редко. У меня полноценная жизнь, много гостей бывает.

22 июня. Мария Михайловна выступает в Музее Победы на Поклонной горе:

— Я маленький солдат большой войны. Но я прошла все горнила самых тяжелейших испытаний. Я многим закрыла глаза. Наверное, каждый генерал был хотя бы однажды ранен и он получал помощь от наших девчонок. Ведь мы шагнули первыми, школьники вчерашние, в горнило войны. Ведь мы со школьной скамьи попали под огонь. Я трижды ранена, тонула в Волге, Дону, Днепре, замерзала в Сталинграде насмерть. Но выжила и сейчас я представитель тех ребят, чьи имена сегодня в залах боевой славы.